

Драма — эпизод 1 из 2

Павел Васильич, там какая-то дама пришла, вас спрашивает, доложил Лука. Уж целый час дожидается...

Павел Васильевич только что позавтракал. Услыхав о даме, он поморщился и сказал:

Ну ее к чёрту! Скажи, что я занят.

Она, Павел Васильич, уже пять раз приходила. Говорит, что очень нужно вас видеть... Чуть не плачет.

Гм... Ну, ладно, проси ее в кабинет.

Павел Васильевич не спеша надел сюртук, взял в одну руку перо, в другую книгу и, делая вид, что он очень занят, пошел в кабинет. Там уже ждала его гостя большая полная дама с красным, мясистым лицом и в очках, на вид весьма почтенная и одетая больше чем прилично (на ней был турнюр с четырьмя перехватами и высокая шляпка с рыжей птицей). Увидев хозяина, она закатила под лоб глаза и сложила молитвенно руки.

Вы, конечно, не помните меня, начала она высоким мужским тенором, заметно волнуясь. Я... я имела удовольствие познакомиться с вами у Хруцких... Я Мурашкина...

А-а-а... мм... Садитесь! Чем могу быть полезен?

Видите ли, я... я... продолжала дама, садясь и еще более волнуясь. Вы меня не помните... Я Мурашкина... Видите ли, я большая поклонница вашего таланта и всегда с наслаждением читаю ваши статьи... Не подумайте, что я льщу, избави бог, я воздаю только должное... Всегда, всегда вас читаю! Отчасти я сама не чужда авторства, то есть, конечно... я не смею называть себя писательницей, но... все-таки и моя капля меда есть в улье... Я напечатала одновременно три детских рассказа, вы не читали, конечно... много переводила и... и мой покойный брат работал в Деле.

Так-с... э-э-э... Чем могу быть полезен?

Видите ли... (Мурашкина потупила глаза и зарумянилась.) Я знаю ваш талант... ваши взгляды, Павел Васильевич, и мне хотелось бы узнать ваше мнение, или, вернее... попросить совета. Я, надо вам сказать, pardon pour l'expression¹, разрешилась от бремени драмой, и мне, прежде чем посылать ее в цензуру, хотелось бы узнать ваше мнение.

Мурашкина нервно, с выражением пойманной птицы, порылась у себя в платье и вытащила большую жирную тетрадищу.

Павел Васильевич любил только свои статьи, чужие же, которые ему предстояло прочесть или прослушать, производили на него всегда

впечатление пушечного жерла, направленного ему прямо в физиономию.

Увидев тетрадь, он испугался и поспешил сказать:

Хорошо, оставьте... я прочту.

Павел Васильевич! сказала томно Мурашкина, поднимаясь и складывая молитвенно руки. Я знаю, вы заняты... вам каждая минута дорога, и я знаю, вы сейчас в душе посылаете меня к чёрту, но... будьте добры, позвольте мне прочесть вам мою драму сейчас... Будьте милы!

Я очень рад... замялся Павел Васильевич, но, сударыня, я... я занят... Мне... мне сейчас ехать нужно.

Павел Васильевич! простонала барыня, и глаза ее наполнились слезами. Я жертвы прошу! Я нахальна, я назойлива, но будьте великодушны! Завтра я уезжаю в Казань, и мне сегодня хотелось бы знать ваше мнение. Подарите мне полчаса вашего внимания... только полчаса! Умоляю вас!

Павел Васильевич был в душе тряпкой и не умел отказывать. Когда ему стало казаться, что барыня собирается зарыдать и стать на колени, он сконфузился и забормотал растерянно:

Хорошо-с, извольте... я послушаю... Полчаса я готов.

Мурашкина радостно вскрикнула, сняла шляпку и, усевшись, начала читать. Сначала она прочла о том, как лакей и горничная, убирая роскошную гостиную, длинно говорили о барышне Анне Сергеевне, которая построила в селе школу и больницу. Горничная, когда лакей вышел, произнесла монолог о том, что ученье свет, а неученье тьма; потом Мурашкина вернула лакея в гостиную и заставила его сказать длинный монолог о барине-генерале, который не терпит убеждений дочери, собирается выдать ее за богатого камер-юнкера и находит, что спасение народа заключается в круглом невежестве. Затем, когда прислуга вышла, явилась сама барышня и заявила зрителю, что она не спала всю ночь и думала о Валентине Ивановиче, сыне бедного учителя, безвозмездно помогающем своему больному отцу. Валентин прошел все науки, но не верует ни в дружбу, ни в любовь, не знает цели в жизни и жаждет смерти, а потому ей, барышне, нужно спасти его.

Павел Васильевич слушал и с тоской вспоминал о своем диване. Он злобно оглядывал Мурашкину, чувствовал, как по его барабанным перепонкам стучал ее мужской тенор, ничего не понимал и думал:

Чёрт тебя принес... Очень мне нужно слушать твою чепуху!.. Ну, чем я виноват, что ты драму написала? Господи, а какая тетрадь толстая! Вот наказание!